

Виктор Кагермазов

СЕМЬ КРУГОВ НАД РУСЬЮ

16+

Виктор Кагермазов
Семь кругов над Русью

«Автор»

2018

Кагермазов В. К.

Семь кругов над Русью / В. К. Кагермазов — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-11013-7

Книга повествует о временах, когда Русь в геополитической борьбе столкнулась с самой могучей державой древности Византийской империей. О том кто и как, а главное, зачем продвигал чужую веру на земли Руси. Книга рассказывает об укладе русичей, об их обычаях, о восприятии окружающего мира, о дворцовых интригах Византийского двора, о борьбе за престол. Книга написана на исторических фактах, хотя и дополнена версиями автора. Эта книга поможет читателю окунуться в прошлое, прочувствовать дух той эпохи.

ISBN 978-5-532-11013-7

© Кагермазов В. К., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Семь кругов над Русью	5
Книга Первая	6
Лазутчик открывает тайну	10
Тайное становится явным	13
Сомнение Феофано	16
Гибель Никифора Фоки	19
Остров Хвар	22
Смерть Полиевкта	26
Исполнение замысла	29
Глава Вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Виктор Кагермазов

Семь кругов над Русью

Семь кругов над Русью

(Сокращенный вариант)

Семь кругов (по 144 года, то есть 1000 лет) на Руси не станут славить Родных Богов покуда к вымиранию не придёт народ русский, толь тогда русы, вернутся к истоку своему, к ведической вере предков!

Волхв Всеслав

Книга Первая

Чужой Князь

Глава Первая

Коварный замысел

969 год. Византийская империя. Константинополь.

Заканчивался день, солнце уходило за вершины холмов, лежащих к западу от Константинополя. У открытого мозаичного окна стоял император Никифор Фока, отпив из золотого кубка вина, он смотрел на темно-багровый диск солнца, погружившись в свои мысли. На душе было тревожно, войско князя Святослава стояло под столицей Преславой, он сам натравил русов, хотел ослабить Болгарию, но не предполагал, что те так быстро одолеют болгар, и грозной тучей нависнут над империей. И эта угроза висела над головой, как скала, готовая обрушиться в любой миг, она беспокоила его, напоминала прошлое, когда войска славян не раз сотрясали Византию. В империи ещё не забыли, как князь Олег, прибывал свой щит на воротах Константинополя.

Как унижена, была Византийская империя! Как скрипя зубами, император Лев собирал дань со всех своих земель, и для кого, для варваров с Бореи!? Нет, такого ещё раз допустить нельзя. Никифор Фока ждал посланника, которого тайно отправил встретиться с неким Луткерием. Ждал с надеждой, ибо этот Луткерий в разговоре с проэдром бахвалился, что знает, как отвадить русов раз и навсегда ходить походами на Константинополь, и даже на отдалённые фемы империи.

За спиной послышались осторожные шаги.

– Смелее улум, давно жду тебя, второй уж кубок осушил! Пройди к столу, налей себе вина. Ну, рассказывай, ты говорил с Луткерием?

– Да, мой василевс, говорил, но этот пройдоха всё скользил, как угорь, одну шелуху мне поведал, я толком ничего не уяснил с его слов. Не сердись, ясноликий, но он всё же хочет встретиться именно с тобой! – не поднимая глаз, ответил Савва, начальник улума, тайной службы императора.

– Не много ли ему чести? Кто он такой, чтобы говорить со мной, императором Византии!? – надменно сказал Никифор Фока, затем уже просто спросил:

– Какое мнение у тебя сложилось об этом Луткерии? Говори, мне нужно знать о нём всё!

– Позволь, василевс, нет, не посоветовать, скорее, высказать своё мнение.

– Говори! – оборвал его Никифор Фока.

– Он необыкновенно умён, интриган, каких не сыскать, видит и понимает то, что другие могут не скоро понять, а главное он не просто видит слабости противной стороны, но и знает, как эти слабости использовать для своей выгоды. Ясноликий, обязательно выслушай его, я по своей службе хорошо разбираюсь в людях, Луткерий сущий дьявол, сама хитрость, сошедшая на землю! – запальчиво сказал Савва.

– Ну что же, Савва, готовь встречу, я стану говорить с ним!

– К встрече всё готово, он ждёт в охотничьем дворце. Я на всякий случай предусмотрел такой исход нашей беседы и подготовился, прости мне самовольство, но всё в твоих интересах, и в интересах империи.

– Хитрец! А ещё Луткерия хвалишь, ты сам кого хочешь, обведёшь! – то ли хваля, то ли укоряя, сказал Никифор Фока, затем добавил:

– Наверно уже и кони в упряжи стоят?

– Да, ясноликий, и кони готовы, и полсотни улумов, и даже факела, чтобы освещать дорогу, одно не учёл, василевс верхом поедет или в биге.

– Верхом, никаких повозок, всё должно быть в тайне! – прервал его Никифор Фока.

– Тогда твой любимый жеребец Клат ждёт, когда ясноликий возьмёт узду в свои руки, – вкрадчиво сказал Савва.

– Хитрец, ой хитрец ты, Савва! – хлопая улума по плечу, сказал Никифор Фока, накинув плащ, решительно приказал:

– Веди!

Они пошли к скрытому ходу, сделанному ещё два года назад по приказу Саввы, долго шли по узким, низким переходам, и вышли в дальнем углу дворцового сада, из выхода, спрятанного под скульптурой быка, подошли к небольшой двери.

Савва отрыл её ключом, вышел и осмотрелся вокруг, затем позвал императора.

– Проходи ясноликий всё в порядке.

– В порядке говоришь? Что же тогда эти двери только замок и охраняет? – упрекнул его Никифор Фока.

Савва подал знак криком совы. Из ниш, спрятанных за колоннами, отделились две тени, поклонились и вновь скрылись под стеной.

– Хорошо, Савва! Хорошо! Зря я тебя упрекаю, ты знаешь своё дело, но и я не оставлю без должного внимания твоё усердие! – сказал довольный император.

Впереди, через широкую улицу, доносился храп и фыркание лошадей, яркими пятнами в ночи светились факелы. Никифор Фока и Савва быстрым шагом направились к стоящим в свете факелов всадникам. Вскоре цокот сотен копыт разорвал тихую ночь, поднял спящих собак, отряд в чёрных одеяниях, словно огромный мерцающий змей, извиваясь, пополз в сторону гор. Всадники двигались быстро, по мере приближения к охотничьему дворцу, словно из ниоткуда, к отряду постоянно, через определённое расстояние присоединялось по несколько всадников.

– Это дозоры, василевс, – пояснил Савва.

Никифор Фока одобрительно кивнул, а про себя подумал.

– Хорошо, что я спас и взял к себе этого серба, надёжен, верен, умён, такой многого стоит, по возвращению надо наградить его щедро, по-императорски.

Отряд с ходу проследовал через заранее открытые ворота к самому входу во дворец. Никифор Фока, Савва и ещё четыре улума прошли в большой зал, стены которого были расписаны фресками со сценами охоты богини Дианы, здесь обычно после суеты Константинополя отдыхал император.

– Ясноликий сейчас примет гостя? Или – спросил Савва.

Никифор Фока перебил его.

– Конечно сейчас! Я не могу ждать, мне всё равно думы не дадут сомкнуть глаз, – ответил император.

Его жгло нетерпение, ему скорее хотелось увидеть этого загадочного Луткерия.

Послышались шаги, первым тихо вошёл Савва, прошёл и стал чуть поодаль от императора. За ним тяжело вышагивая, из темноты появился Луткерий, в длинном зелёном плаще с непокрытой головой, следующим вошёл его сопровождающий, по виду сарацин.

– Проходи, садись к столу, сейчас подадут вина – показывая жестом куда сесть, сказал Никифор Фока.

Луткерий приблизился, склонил голову в приветствии, но кланяться не стал. Савва, угадывая мысль императора, подвинул ближе к столу высокую серебряную подставку с горящей лампой. Только теперь Никифор Фока лучше разглядел гостя. Густые, с рыжиной волнистые его волосы спадали до плеч, на лбу их перетягивало зелёное очелье, шитое золотом, яркие

зелёные глаза смотрели гордо, даже надменно, ровный прямой нос, чувственные губы, резко очерченные на его светлом, скорее бледном лице. Он был приятен, внешне его трудно было отнести к какому-нибудь народу, Луткерия можно было принять и за германца, и за скандинава.

Император рассматривал гостя, тот же, соблюдая правила, молчал, ждал, пока заговорит первым Никифор Фока.

– Как тебя встретили, Луткерий? Гостеприимство проявили, как подобает? – мягко спросил император, жестом ещё раз приглашая его за стол.

Вместо ответа Луткерий спросил:

– Мы что, василевс, будем говорить при посторонних?

Никифор Фока вскинул брови, и, глядя в глаза гостю, сказал:

– А тут только я и мой улум Савва, ему я доверяю, можешь говорить не таясь.

– Тебе видней! – бесцеремонно ответил Луткерий.

Наглость и самоуверенность гостя раздражала, и чтобы не впасть в гнев, император предложил:

– Перейдём к главному, я слышал, будто ты знаешь, как отвадить русов от набегов на Византию? Что же я готов выслушать тебя!

Уголки рта Луткерия дёрнулись в лёгкой усмешке, он отпил вина и начал медленно говорить:

– Василевс, где чаще всего поднимаются бунты в твоей империи, в каких провинциях? Вряд ли кто-нибудь это подмечал, а я знаю, там, где христианство ещё не укрепилось, либо ещё не пришло, там и частые восстания.

Никифор Фока усмехнулся, и спросил:

– И при чём тут Русь, не пойму!

Не обращая внимания на усмешку, Луткерий продолжил:

– Как ты думаешь? Почему император Великого Рима Константин принял христианство, король франков, германские кёнинги, другие господари? Заметь, василевс, не простые люди, а богатая знать, у которой власть, именно она, принимала решение, о принятии христианства! Почему?

– Ты что меня поучать или того хуже дурачить прибыл? – вспыхнул император.

– Имей терпение, василевс, во всём нужна выдержка, разве одержал бы ты столько славных побед во славу византийской империи, не будь у тебя железной выдержки. С твоего позволения, я продолжу говорить! Так вот, все эти конунги, короли и цари быстро поняли, что христианство учит в первую очередь смирению, покаянию, а если вера учит смирению, значит народ, исповедующий такое учение, постепенно станет мирным. Именно народ, а не те, кто им управляет.

– И что ты собираешься крестить этих воинственных русичей? – усмехнулся император.

– Да, так, василевс! Я собираюсь способствовать именно этому! – невозмутимо ответил Луткерий.

– Каким образом ты это исполнишь, они всех проповедников поднимают на смех, либо изгоняют прочь? – возразил Никифор Фока.

– Конечно, потому что вы всё пытаетесь окрестить народ, а надо крестить их знать, а лучше самих князей, если их обратим в христианство, то и простолюдины станут принимать вашу веру, а значит и вся Русь станет христианской! – горячо выпалил Луткерий.

– Это я понял, не пойму, как ты сможешь осуществить задуманное, не один их князь пока ещё не склонился к христианству, по силам ли тебе такое? – спросил император.

– Вот теперь мы подошли к главному! – сказал Луткерий, он встал, потёр ладони, и, расхаживая, продолжил рассказывать свой замысел:

– Если князь русов не хочет принять христианство, то мы заменим, вернее, подменим князя. Как всем известно, у их знати, впрочем, как и у всех, много любви на стороне, а за любовь надо платить, и часто очень многим. Прости меня, василевс, но помнишь ли ты всех своих женщин на ложе, ну, допустим в походе в Сирию? Скорее всего, нет! Скольким были сказаны ласковые, но не нужные слова!? Так вот, мы придумаем несуществующую жену их главного князя, будто у неё от него есть сын, будто этот сын находится пока в изгнании, но в нужное время он появится. Конечно, мы совершим подмену, возведём своего князя, который будет крещён прилюдно, а уже он понесёт христианство по всей Руси. Потом мы породним Византию и Русь, допустим выдав вашу племянницу за их князя. Сомневаюсь, что после этого руссы, станут воевать с империей!

Луткерий сел, налил себе вина и выпил. Никифор Фока молчал, он был поражён замыслом Луткерия, теперь он ясно понимал, кто перед ним и на что способен этот человек. Император был напуган, что ещё может прийти в голову этому страшному интригану? Одному Богу известно, на что способен его изошрённый мозг, но Никифор Фока виду не подал, и спокойно спросил:

– И что для этого надо?

– Золото, много золота, но гораздо меньше, чем империя тратит на сдерживание русов!

– Как много? У каждого своё понимание количества, кому-то и ста золотых много!? – пытался пошутить Никифор Фока.

– Если мы договоримся, то сначала надобно заплатить мне, я отправлю золото к себе, дальше я уточню, что и как. Вот здесь всё, что нам предстоит сделать! – и он протянул свиток.

Император взял свиток, прочитал и сказал:

– Что же, мы договорились!

Но мысли у Никифора Фоки были иные, в голове крутилось: «Какой коварный и опасный этот Луткерий, действительно, порождение дьявола. Побыстрее бы, избавиться от него, таких даже в друзьях опасно иметь».

Холодные глаза Луткерия после слов императора «мы договорились», блеснули лукавыми огоньками, в них был азарт. Он посмотрел на своего сарацина, тот вышел и вернулся с тремя кожаными мешками. Луткерий положил мешки перед императором Византии, и сказал:

– Надо наполнить их золотыми солидами!

– Ты прям как русич, это они измеряют всё мешками да коробами!

– Это говорит об их широкой натуре! – съязвил Луткерий.

– Или о чрезмерной любви к золоту, ведь золото – это меха, вино, кони!

– Или хорошее оружие! – добавил Луткерий.

Никифор Фока встал, показывая этим, что время встречи подошло к концу.

– Ты получишь всё, что надо. Твоими делами займётся Савва. Всё прощай, ты умнейший человек, Луткерий, но скажу прямо, в друзьях тебя я иметь не хочу!

– Что же, василевс, и я скажу тебе прямо, тот, кто привёл тебя к власти, тот и предаст тебя, убери его пока не поздно! – сказал Луткерий и, отвернувшись, пошёл к двери.

– Ты Иоанна Цимисхия имеешь в виду?

Луткерий не ответил, притопнул правой ногой, поднял руку и очертил ею круг.

Лазутчик открывает тайну

Пока Никифор Фока говорил с Луткерием, весь их разговор подслушивал один из улумов. Сотник Пратос был лазутчиком патриарха. В тайную службу он попал благодаря покровительству Полиевкта. Пратос стоял у дыры, проделанной им в вентиляции, и внимательно слушал, но понять весь смысл разговора по своему скудоумию не мог, поэтому непонятное записывал угольком на выбеленном пергаменте. Когда разговор закончился, скрутил пергамент и сунул его за пазуху, затем быстро пошёл к коновязи, отвязал своего коня и под узду вывел его за стену дворца. Охрана на него не обратила внимания. Он сам её и расставлял по приказу начальника улумов Саввы.

Пратос скакал по ночной дороге. Настроение было превосходное, в голове всё вертелось, сколько же патриарх Полиевкт заплатит ему золотых солидов за такие вести. Теперь-то он сможет тратить на хорошее вино, а главное будет покупать светлоглазых и белокурых женщин, похожих на древних богинь, которых он видел на старых фресках в Афинах. Эти приятные мысли будоражили сознание, кружили голову. Сотник с силой пришпорил коня, да так, что бедное животное понеслось во весь дух, сбивая пламя с факела, которым он подсвечивал себе дорогу. Уже взошла Венера – звезда любви, в это время Пратос обычно покидал своих женщин, подвыпивший и истощённый любовью, насладившись их ласками, он засыпал крепким, почти юношеским сном. Конечно, если не был на службе. Но сейчас потный и уставший, в дорожной пыли, он стоял в предрассветный час перед воротами резиденции патриарха. Спешившись, он с силой постучал рукоятью меча в окованные тяжёлые ворота. Долго никто не отзывался. После очередного его стука послышался сонный голос стражника:

– Кого в такой час принесло, что тебе надобно?

– Открывай! Я улум Пратос! Мне надо срочно к патриарху! Быстро открывай, я с вас шкуры спущу, сони!

После этих слов одна створка ворот со скрипом приоткрылась, стражники виновато расступились, один взял под узду коня Пратоса. В империи боялись улумов, этих слуг императора, которые появлялись всегда ночью, а особенно боялись Савву и его окружение, после встречи, с которыми часто бесследно пропадали люди.

– Прости, что не признали тебя, улум Пратос! Ночь уж слишком тихая, сон одолел.

Проходя мимо, Пратос рывкнул:

– Не Савва ваш начальник, было бы вам! Кто старший? Веди к патриарху!

Его в сопровождении двух стражников отвели в приёмную.

В ожидании он стал рассматривать зал. Огромные арочные окна были разделены на небольшие цветные квадраты, сквозь которые разноцветными пятнами уже пробивался рассвет. Все стены были расписаны фресками, но, на удивление, это были не церковные сюжеты, а изображения диковинных зверей. Пространство между фресками заполняло всевозможное оружие: мечи, топоры, щиты. На полу – красивейшая мозаика в виде переплетённых сказочных цветов. Красные, фиолетовые, жёлтые, настолько яркие, словно их только что сорвали с лугов. Но больше всего внимание Пратоса привлекла огромная белая шкура невиданного зверя, с большущей головой. Он провёл рукой по густому белому длинному ворсу.

– Это подарок из земли Бореи, где живут, русы, – сказал вошедший Полиевкт.

Пратос от неожиданности вздрогнул, он не услышал, как вошёл патриарх. Поклонившись, стал объяснять, что заставило его прибыть в такой ранний час и потревожить сон его святейшества, затем он протянул свиток. Полиевкт прочитал свиток. В его глазах заиграли злые огоньки, спрятав свиток в рукав, он спросил:

– Ты зачем, Пратос, сам сюда явился? Скорее всего, ты раскрыл себя, ты, что думаешь, Савва не поймёт? За тобой наверно кто-нибудь, да следил.

– Ваше святейшество, я несколько раз останавливался по нужде, осматривался, за мной точно никого не было. Я найду, что сказать Савве! – оправдывался Пратос.

– Тебе надо скрыться, деньги ты получишь сейчас!

При слове скрыться, патриарх посмотрел на тихо вошедшего стражника, тот подошёл и ударил Пратоса в спину копьём. Сотник захрипел и рванулся вперёд, чтобы освободиться от торчащего из груди копья, но стражник также сделал шаг вперёд, и держал его на копье, пока улум не перестал дёргаться и не затих.

– Снесите в сад, и заройте под оливами. Неужто им больше по вкусу плоть людская, чем навоз из коровника, – приказал Полиевкт, при этом брезгливо надавил ногой на мёртвое тело Пратоса.

Вошли ещё два стражника и, взяв за ноги тело, потащили его в сад.

– Плохо когда думать перестают, прислал бы сведения с гонцом, и получил бы своё золото, а так глупость будет питать деревья, оливам ведь разум ни к чему! – как бы оправдываясь, сказал патриарх вслед утаскиваемому трупу Пратоса.

Вошёл вызванный им ранее начальник его охраны Василий.

– Зря ваше святейшество убили улума, вы перешли черту, теперь придётся действовать дальше, – сказал он, глядя на кровавый след оставленный телом Пратоса.

– Он не был умён, рано или поздно закончил бы так. Ну да ладно, с патриаршего благословения ушёл в мир иной, может даже в рай, – цинично сказал Полиевкт.

Повернувшись к Василию приказал:

– Ты, Василий, узнай кто такой Луткерий, скорее всего это выдуманное имя. Надо выяснить, кто стоит за ним. И ещё, подготовь мне встречу с Иоанном Цимисхием, только так, чтобы никто не прознал. Слышишь? Никто!

– Всё исполню как надобно, ваше святейшество, – склонив голову, ответил Василий.

– Нет, Василий, так не пойдёт, что ты всё ваше святейшество, присядь, сейчас стол накроют, побеседуем как друзья, мы ведь друзья? – заглядывая в глаза Василия, сказал Полиевкт.

– Да, ваше святейшество, мы друзья! – соглашаясь, ответил начальник охраны.

– Тогда давай поговорим, как нам быть, как поступить сейчас?

– Но ведь если бы не смерть улума, и думать не пришлось бы, ведь никто против нас заговоров не плетёт, – ответил Василий.

– Вот как!? А указ, этот дурацкий томос Никифора Фоки относительно церкви? А его заигрывание с народом по смягчению налогов? Никифор хороший полководец, но вот управлять империей – это не мечом орудовать. Наивный! Чернь всегда останется чернью, на неё нельзя опираться. Главная опора власти – это церковь!

– Такие люди как император Фока всегда с передовыми идеями, они хотят лучшего для народа, конечно, по их мнению, – возразил Василий.

– А народ? Готов ли он к новому, передовому, как ты говоришь, сомневаюсь, ох как сомневаюсь!? – ответил патриарх.

– Придётся убрать Савву, ваше святейшество, он начнёт искать своего улума. Этот серб умён, а значит, опасен, – глядя Полиевкту в глаза, предложил Василий.

– Что там убрать Савву? Придётся убирать Никифора Фоку! А это не просто, – холодно произнёс патриарх, отпивая из кубка вино.

– А вдруг заговор не удастся? Полетят тогда наши головы, моя уж точно! – с сомнением сказал Василий.

– Пей вино, Василий, я не хочу больше говорить об этом, – стараясь быть спокойным, ответил ему патриарх.

– Мне кажется, ваше святейшество, Савва уже принял меры, у меня плохое предчувствие! Этот серб всегда на пятки наступает, будто на расстоянии всё чувствует! – понизив голос, с беспокойством возразил Василий.

– Пустое, это всё от непонимания обстановки, всё будет хорошо! Выпей вина, и поспеши к Иоанну Цимисхию, наша встреча не терпит отлагательств! – приказал патриарх. Василий выпил вина, накинул плащ и вышел.

Оставшись один, Полиевкт погрузился в свои мысли.

«Да, этот Луткерий и впрямь недюжинного ума, такого человека неплохо было бы иметь при себе, хотя, признаться, и опасно. Такие люди на много ходов вперёд видят. Замысел о продвижении христианства на Русь хорош, я и сам мыслил об этом, но мне и в голову не могло прийти, что можно совершить такую подмену. Подменить князя – это грандиозно, почти невыполнимо, но как интригующе. А я всё посылал проповедников на Русь, многие стинули, некоторые вернулись, были и такие, которые приняли веру русов. Надо бы послать к Луткеррию ещё кого-то, мало ли, у Василия пойдёт что-то не так, а встреча ох как нужна, ведь дьявольский замысел у Луткерия в голове, и скорее всего он уже начал действовать».

Патриарх повернулся к охраннику и приказал:

– Вызови мне сюда срочно торговца нашей утварью, лавочника Илью. Да пусть придёт без промедления!

Охранник ушёл, громко хлопнув дверью.

– Осёл! Сколько можно говорить, чтобы не хлопали дверьми, терпеть не могу! – морщась, недовольно сказал Полиевкт.

Он встал, подошёл и широко открыл окно. Солнце уже встало, с птичьего двора доносился запоздалый хриплый крик петуха.

– Вот непутёвый, всегда опаздывает, другие уж давно пропели, а этот силпый всегда позже других кричит!

Отпив вина, патриарх уселся на подоконник и стал любоваться видом из окна.

В предгорье у самых вершин висели облака. Их, словно огромные щупальца, поддерживали туманные дорожки, тянувшиеся из лощин меж гор, куда ещё не заглянуло солнце. Он любил это место на склоне Мизмоса, отсюда открывался великолепный вид на Константинополь. Видно было сияние куполов храмов, его храмов. Здесь он как нигде ощущал себя хозяином всей Византии. Эти редкие минуты, когда он мог отвлечься от дел, насладиться простой жизнью, но в такие минуты его одолевали сомнения, а верно ли он выбрал себе жизненный путь. Может, надо было остаться в своей деревушке, жениться, завести много скота, да жить как все. Но тут же сердце его застучало, а из груди вырвалось:

– Нет! Кем я был бы тогда? Простолудином! Любой чиновник мог бы растоптать меня, задеть!? Нет! Я патриарх! Мне императоры руку целуют, и жаждут моего благословения. Я ведь настоящий хозяин империи, я!

Он резко закрыл окно, лицо его вновь приняло надменное выражение, взгляд стал холодным, а в глазах появилась обычная решимость. Все его сомнения ушли прочь.

Тайное становится явным

Сразу от патриарха Василий с пятью своими чернецами отправился в дорогу. Ещё за день до этого он получил сообщение от соглядатаев, что Цимисхий стоит лагерем в десяти оргиях от Константинополя. Это сильно облегчало исполнение поручения патриарха. Предместья столицы – это не опасные долины Фракии. Как только Василий со своими людьми скрылся за поворотом дороги, из лощины, вслед ему, двинулся десяток всадников. Это был отряд улумов, возглавляемый Саввой. Понимая, что затевается что-то большое, и от его действий зависит многое, Василий мчался во весь опор. Неотступно за ним двигался отряд улумов, скрытно, стараясь ни чем себя не выдать. Когда вдаль стали видны походные шатры, преследователи свернули в лес, и там затаились.

Ещё издали Василию стало понятно, что Иоанн Цимисхий не просто так явился под стены Константинополя, с ним прибыла часть его воинов, судя по количеству поставленных палаток, не меньше трёх друнг. Всё вокруг было заполнено шумом от этого войска: ржанием лошадей, звоном походных кузниц, криками командиров.

Когда Василий приблизился к лагерю, навстречу ему выдвинулось несколько всадников оцепления, один из них выкрикнул:

– Стой! Куда прёте, кто такие, почему близко к лагерю?

– Мне нужен Иоанн Цимисхий, у меня к нему послание!

– Давай сюда, я передам! – бесцеремонно сказал один из них.

– Нет! Велено только в руки, – не согласился Василий.

– Ах ты, прихвостень церковный, да я тебя! – пригрозил стражник, замахиваясь плетью.

Но тут раздался топот лошадей, и к ним из ближайшего леса стремительно приблизился отряд всадников, все в дорогих доспехах, у одного в руке штандарт орла.

– Что тут происходит? – спросил один из них.

– Вот, чернец требует пропустить его к самому Цимисхию! – объяснил этериот.

– Пусть следуют за мной, я Варда Склир!

Отряд рысью проследовал в лагерь, Василий со своими людьми следом за ним.

На небольшом пригорке стоял шатёр, выделявшийся не только багровым цветом, но и размером. Его сплошным кольцом окружали воины.

– Жди! – приказал тот, кто назвался Вардой Склиром.

Чуть погодя, пола шатра приоткрылась, показался этериот, он жестом позвал Василия. Пригнувшись, Василий вошёл в шатёр. Впереди, в дальнем углу, склонившись над столом, стоял Иоанн Цимисхий.

Наслышанный о полководце Василий представлял его могучим воином, и был удивлён, когда к нему подошёл человек небольшого роста, с грустными светлыми глазами, с жидкими русыми волосами, едва прикрывающими большой покатым лоб. Правда, он был крепко сложен и, в бугристых руках чувствовалась сила. Цимисхий с интересом посмотрел на Василия, затем хриплым голосом спросил:

– Ну, говори! Что за спешка, что за секреты?

Василий протянул послание, и стал наблюдать, как меняется выражение лица у Цимисхия по мере прочтения патриаршего свитка. И когда, прочитав, тот кинул послание в горевшую лампу, понял насколько всё опасно, а он волей патриарха втянут в эту круговерть интриг. Иоанн Цимисхий пристально посмотрел на Василия, затем вкрадчиво спросил:

– А что, чернец, кто ещё знает об этом послании?

Василий быстро смекнул, что к чему, и удивлённо ответил:

– О каком послании спрашивает храбрый? Я не о каком послании не слышал! А сюда попал волей случая, кони с дороги сбились по пути в Константинополь!

– Хорошо, коль так! Ну, если ты случайный путник, может, хоть отобедаешь с нами, в дороге наверно утомился, проголодался? – предложил Цимисхий.

– Нет храбрый, если позволишь, то я сразу отбуду к развилке дорог, а еду и вино можно взять с собой! – ответил Василий.

Цимисхий распорядился, чтобы выдали всё, что нужно, а сам, подойдя в упор к Василию, тихо сказал:

– Скажи Полиевкту, я всё понял, немедля приступаю к выполнению. Всё, иди!

Чернец откланялся и вышел.

Оказавшись за пределами лагеря, Василий облегчённо вздохнул, он всегда боялся сильных мира сего, боялся, как камнепада в горах, того и гляди зашибёт летящей булыгой. По пути обратно он со своими людьми свернул к лесу, на небольшой поляне разожгли костёр, стали вечерять, обильно запивая вином, данное им в дорогу.

– У Цимисхия хорошее вино, – отпив из кожаного бурдюка, сказал Василий.

– Захватив город, его воины первым делом обшаривают винные погреба, все знают о его пристрастии к вину. Правда, он много и раздаёт, это тоже все знают, – отозвался на разговор один из чернецов.

– Поручение Полиевкта выполнено, можно и отдохнуть. В лагере у Цимисхия меня трясло. Кто знает, что в голове у человека, который месяцами в походах, постоянно проливает кровь, и своей рукой перерезает глотки? – удобно ложась головой на седло, сонно сказал Василий.

Чернецы из охраны патриарха пили вино, ели положенные им в дорогу припасы, весело разговаривали у костра, не подозревая, что за ними из леса пристально наблюдают люди Саввы. А улумы терпеливо ждали, когда чернецы изрядно напьются и уснут. Чем ближе к полуночи, тем меньше слышались разговоры на поляне у костра. Василий заснул первым. Сказалась усталость от напряженного дня. Он негромко похрапывал, иногда что-то говорил сквозь сон. Изрядно напившись, уснули и остальные, а чуть погода исчезло и пламя от костра, лишь в темноте большим красным пятном светились раздуваемые ветерком угольки.

Вдруг раздался глухой крик совы, и на поляну со всех сторон бесшумно вышли улумы. Они быстро приблизились к спящим и перекололи их мечами, оставив в живых одного Василия. Его, крепко связав, погрузили на собственного коня. Отряд в кромешной тьме двинулся в обратную дорогу. Уже почти рассвело, когда улумы вернулись в охотничий дворец, но императора не застали. Он уже отбыл в Константинополь, получив послание от императрицы Феофано.

– Этого в подземелье, я сейчас приду, – показывая на Василия, сказал Савва.

Сделав некоторые распоряжения, и отправив двух улумов с поручением в Константинополь вслед отбывшему императору, он спустился в пыточную. Там у столба раздетый и перепуганный стоял чернец Василий.

– Давай говори, что знаешь, крыса чёрная, не заставляй меня ломать тебе кости, которые так мерзко хрустят. Или ты хочешь, чтобы с тебя шкуру содрали? А может, желаешь, чтобы тебе глаза выжгли? – угрожающе сказал Савва.

– Мне ничего не известно, я просто отвёз послание, – запинаясь, ответил чернец.

– Кому отвёз, что в нём написано? – давил на него начальник улумов.

У Василия от страха в голове была полная сумятица, мысли лихорадочно плясали, он понимал, если что-то лишнее сболтнёт, ему конец.

– Купца, который торгует церковной утварью, его надо было пригласить к патриарху, – ответил быстро Василий.

Савва посмотрел на улума стоящего рядом, тот взял железный прут и ударил Василия по коленке, чернец взвыл от боли.

– Не хочешь по-хорошему, хочешь, чтобы тебе глаза выжгли? Говори, с кем встречался? Ведь я и так знаю, что ты был у Цимисхия в лагере, но хочу услышать это от тебя, тем самым дать тебе возможность остаться в живых!

При последних словах Саввы, к Василию приблизился улум с раскалённым докрасна длинным шилом. Перепуганный Василий выкрикнул:

– Я был послан патриархом к Цимисхию!

Улум поднёс раскалённое шило ещё ближе к глазам.

– Патриарх назначил тайную встречу, больше я ничего не знаю, клянусь!

– Вот как!? – безразлично сказал Савва, что же, мы тебя отпускаем!

И глядя холодно на Василия, добавил:

– К праотцам!

После его слов улум медленно, прожигая плоть, вонзил раскалённое шило в глаз чернеца Василия. Жуткий крик потряс своды подземелья. Савва, отвернувшись, глядя на пламя лампы, после недолгого молчания сказал:

– Соберите всех улумов сюда, для нас наступают сложные времена! Нет, пусть все соберутся у Рассветного холма, там есть пещеры, и торопитесь, медлить нельзя!

Савва, обладавший природным чутьём, понимал, что над ним и его людьми нависла смертельная угроза. Похоже, что дни императора Никифора Фоки были сочтены. Ведь к Савве стекались сведения не только из дворца Букелиона и столицы Константинополя, но и из отдалённых провинций, а эти сведения говорили в основном о недовольстве мерами, принятыми императором. А ведь он предупреждал императора, что нужно поменьше заигрывать с народом. И с церковью нужно было жить в согласии, не урезать её влияние, незыблемое, могущественное, столько веков скрепляющее всю Византийскую империю. Теперь делать было нечего, всё складывалось против василевса. Опальный Цимисхий со своими друнгами в одном переходе от столицы, тайная переписка патриарха с паракимоменом, ещё его улумы признали, что начальник этериотов Лев Велент на днях посещал резиденцию Полиевкта. Были сведения, что даже жена императора Феофано, и та была втянута в заговор. Савва жалел, что не застал Никифора Фоку в охотничьем дворце после своего возвращения с засады на чернеца Василия.

Своим срочным отбытием по просьбе жены в Константинополь, император загнал себя в ловушку. Вокруг него теперь были одни заговорщики, и помочь ему Савва уже не мог. В его распоряжении было всего сотня улумов, а они воины ночи. В открытом бою против этериотов Велента им не выстоять. Время было упущено. Проникнуть в Букелион незаметно вряд ли получится. Надежда была лишь на то, что отправленный улум отдал послание с предупреждением вовремя, и Никифор Фока сам примет меры, возьмёт под стражу изменников. Но эта надежда была призрачной. Савва понимал, что теперь его встреча с этим загадочным Луткерием становилась жизненной необходимостью. Он постарается убедить этого интригана взять его на службу. Только вот, как убедить венецианца в необходимости тайной службы, скорее всего у него и так везде свои соглядатаи. Обеспокоенный полный сомнений прибыл Савва к рассветному холму, к месту сбора своих людей. Ему второй раз предстояло полностью поменять свою жизнь, и что ждало его впереди, одним Богам было известно.

Сомнение Феофано

Феофано лежала на ложе устланной шкурой льва, в тонкой шёлковой накидке, через которую просвечивалось её обнажённое красивое тело, явно были видны овалы груди с темнеющими кругляшками сосков. Красивые, но слегка полноватые бёдра наполовину утопали в густой гриве льва, одной рукой она гладила себе слегка округлый живот, наблюдая, как перед ней раздевается рослый мощный норманн, отобранный ею из остальных стражников дворца, и не только для охраны её двери. Ей нравились мужчины, которых она совсем не знала, перед ними у неё разгоралась настоящая страсть. С незнакомцами её ничего не связывало, и она могла полностью насладиться любовью не сдерживая себя ни в чём.

Эта привычка осталась у неё ещё с юности, с той поры, когда все называли её Анастасией, когда заплатив монету, любой мог увести её в комнату под крышей шинкарни, и наслаждаться там её молодым телом. Но была у Феофано одна слабость, она никогда не шла дважды с одним и тем же мужчиной, даже если тот давал две или три цены, и даже не шла дважды тогда, когда просил Кротир, её отец, которого уговаривали посетители, обещая заплатить золотыми солидами. Особо её слабость стала мешать, когда она волею судьбы стала женой Романа, сына императора Константина, но даже став императрицей, она не избавилась от этой своей слабости. Ей приходилось терпеть на ложе Романа, слабого телом, напоминающего юнца, терпела, но тайком приводила себе в покои одного из воинов, насладившись, отпускала, а мужу говорила, чтобы менял чаще стражу перед её покоями, потому, как она боится, и не верит тем, кто постоянно стоит у дверей её спальни. Жизнь её немного изменилась, когда императором стал Никифор Фока, это храбрый воин, крепкий телом, выносливый, не обделённый разумом. И всё же ей приходилось сдерживать себя, терпеть, но как только император отбывал из Букелеона даже ненадолго, она вновь предавалась своей страсти в полной мере. Зная, что Никифор Фока всего в тридцати оргиях от Константинополя, в своём охотничьем дворце, она всё равно привела к себе в покои присмотренного ранее норманна, с синими, как небо глазами, со светлыми волосами, с белой кожей, крепкого, высокого, которому Феофано ростом была всего по грудь.

Глядя себе живот, она томно смотрела на раздевающегося стражника, то и дело, говоря ему:

– Не торопись, ну не торопись ты, я тут, я никуда не денусь!

Когда он полностью разделся, Феофано со страстью стала разглядывать его сильное тело, затем протянув руку вперёд, зашептала:

– Поди, сюда быстрее, ты такой сильный, возьми меня на руки, я хочу почувствовать всю твою силу!

Она продолжила горячо шептать, покрывая его плечи страстными поцелуями.

– Покажи мне какой ты страстный, покажи, как у вас любят женщин. Ну, свободней! Я сейчас для тебя не императрица, а простая женщина, давай, ну, больше страсти, ещё больше страсти!

Насладившись любовью, она приказала стражнику уходить, сама же, не прикрывшись, нагая, смотрела, как одевается норманн.

– Меня Освальдом зовут моя императрица, если вдруг...

– Нет, ты мне более не понадобишься, и имя своё зря говоришь. Я не хочу знать никаких имён, второй раз на моё ложе может лечь лишь император! Всё можешь идти! – перебила его Феофано.

– Я хоть и служу Никифору Фоке, вашему императору, но я вольный человек, мало того со мной много моих воинов! – двусмысленно сказал норманн.

– К чему ты это говоришь? – вяло спросила Феофано.

– Я не только силён, но могу и мыслить! Посуди сама, за спиной у императора, этериоты и улумы, они опора василевса, он может на них положиться, а за спиной стратига, его верные воины, на которых и он может опереться в трудный час, за патриархом его бесчисленные приходы с чернецами, не уступающие хитростью самим монокурсам! На кого можешь опереться ты? Если пойдёт что-то не так, как ты того желаешь, что тебе остаётся? Уповать на всевышнего? Ты мне нужна как женщина, твоя страсть заставляет меня обо всём забыть, туманит мой взор, ты необыкновенна! Можешь всегда рассчитывать на своего Освальда!

– Ты для стражника слишком хорошо разбираешься в дворцовых хитросплетениях, слушая тебя и правда, задумаешься о многом! Как говоришь тебя звать?

– Меня зовут Освальдом! – гордо ответил норманн.

– Ты не прост, и правда, можешь мыслить, прям как наш проэдр! Я, честно говоря, думала что, такие как ты, могут только оружием владеть! Что же, Освальд, я запомню твои слова, и имя твоё запомню, но на ложе второй раз не позову, а если и позову, то не раньше, как пройдёт три луны!

Стражник отправился к двери, перед тем как выйти, сказал:

– Я и через год буду рад быть подле тебя, чтобы не случилось, кликни! Я на своей родине ярл, это конечно не император, но у нас многого стоит!

Когда он ушёл, Феофано встала, и нагая, раскачивая округлыми бёдрами, прошла к бордовой плотной оконной занавеске, вытащила с потайных складок спрятанные послания, одно было от Иоанна Цимисхия, другое от патриарха Полиевкта. Читая, прошла к горячей лампе, прочитав, сожгла их, задумалась, смотря вникуда, промолвила:

– Ну вот, сегодня многое решится, если не самое главное в моей жизни, что же, мне не привыкать входить в огонь!

Она позвала служанку и распорядилась, чтобы та приготовила для встречи императора её любимую золотую тунуку, сама отправилась в купальню омыться после страсти, и приготовить себя к приезду Никифора Фоки. Её одолевали сомнения, а может взять и признаться во всём императору, в том, что готовится заговор, всё, что задумал Полиевкт, это он втянул в заговор её и Иоанна Цимисхия? Что тогда будет? Сможет ли она доказать участие патриарха в заговоре? И Цимисхий с войском под стенами Константинополя, разве сможет дворцовая стража и этериоты противостоять опытным воинам, прибывшим с полей сражений вместе со своими командирами? Сомнения одни сомнения! Ещё раз всё взвесив, Феофано пришла к тому, что обратного пути у неё нет. Её император, оказывался в проигрышном положении. Последним, но на её взгляд, самым важным доводом в пользу заговора послужило то, что ей стало известно, будто Никифор Фока поглядывает на одну из племянниц императора Оттона, и не прочь породниться с германцами. Что тогда может быть с ней? Как сложатся обстоятельства? А главное, Никифор Фока всё это держит в тайне, обмолвился лишь с паракимоменом Василием, а тот сказал Полиевкту, так и ей стало известно. Что будет всё-таки тогда с ней? В лучшем случае монастырь и потеря трона, а этого допустить она не могла! Всё! Все сомнения прочь, она выполнит всё, что наказал ей Полиевкт! Феофано интуитивно понимала, надо быть на стороне патриарха. Да, пусть свершится всё задуманное!

Её размышления прервало било, оповещающее, сколько сейчас ночного времени. Феофано легла на ложе где всегда принимала массаж, к ней подошла служанка, принялась втирать в её кожу ароматное масло.

– Прибыл император! – тихо сказала служанка.

– Ты откуда знаешь?

– Я услышала цокот копыт и выглянула в окно, когда шла к тебе в купальню, в это время император уже спешил и шёл к входным дверям – ответила служанка, обтирая излишки масла с тела императрицы.

Феофано резко встала, служанка накинула на её плечи накидку, повернувшись, она громко приказала:

– На сегодня я вас всех отпускаю, можете все уходить, вы мне не понадобятся, я не хочу, чтобы кто-то ненароком, помешал мне и императору на нашем ложе! Уходите!

Она отправилась в свои покои. Но император задерживался, время шло, а его всё не было, она забеспокоилась, неужто догадался, или может, кто оповестил его об измене. Уже дважды в тишине ночи прозвучали удары била, Никифор Фока всё не шёл к своей императрице. Её одолевали сомнения, а вдруг он всё уже знает, а может, ждёт своего часа? Что делать? Написать ему, чтобы пришёл в покои, написать, как я его желаю на ложе? Нет! Надо ждать, буду ждать. Всё будет хорошо, он придёт, конечно, придёт к своей горячей Феофано!

Послышались шаги, бряцание оружия, императрица с тревогой смотрела на дверь. Но, в резко открывшуюся дверь, вошёл не император, а Лев Велент со своими этериотами, с ними папия Михаил.

– Что вам тут надобно? – грубо спросила Феофано.

– По приказу императора мы должны осмотреть весь гинекей, прошли слухи, что здесь могут укрываться изменники! – бесперемонно ответил Лев Велент.

– У меня в покоях? – удивлённо спросила Феофано.

– Моя госпожа пусть не сердится, это приказ императора, – заискивающе объяснил папия Михаил.

Феофано вздрогнула, она испугалась, глаза её забегали, чтобы не выдать себя совсем, она стала смотреть в пол, сама лихорадочно думала, как хорошо, что я не спрятала заранее у себя Иоанна Цимисхия, как тот просил.

Этериоты обшарив покои, ушли, вместе с ними ушёл и Лев Велент, остался лишь папия Михаил, видя беспокойство в глазах императрицы, сказал:

– Госпожа может не переживать, я всю ночь буду вместе со стражниками у дверей покоев, никто не посмеет войти сюда!

– Но зачем? В гинекее никого ведь нет, снаружи везде стража, папия Михаил может идти отдыхать, в нём нет надобности!

И всё же я эту ночь буду подле своей императрицы! – возразил папия Михаил.

– Что же поступи, как знаешь! – с безразличным видом, сказала Феофано.

Гибель Никифора Фоки

Внезапная болезнь паракимомена Василия вызывала подозрение, было явное понимание того, что он намеренно удалился из Букелиона. Прибытие опального Цимисхия со своими отборными друнгами под стены Константинополя, без ведома императора Никифора Фоки, тайная переписка патриарха с Цимисхием и Феофано – всё это говорило о том, что готовится переворот. В пользу этого было ещё то, что начальник этериотов Лев Велент получил много солидов, улумам выяснить не удалось, от кого точно он получил золото, от патриарха или от паракимомена, но это ничего не меняло. Савва написал императору записку, в которой сообщил о своих подозрениях, но имён намеренно не указал, предполагая, что Никифор Фока возьмёт под стражу всех подозреваемых. Но император повёл себя не так, как рассчитывал начальник улумов, может на императора повлияло то, что на днях он схоронил своего отца Варду Фоку, и эта потеря близкого человека вывела его из равновесия, император сник, был рассеян, не мог собраться с мыслями. Вместо того чтобы насторожиться и принять меры для своей безопасности, кинулся искать помощи у тех, кто и задумал заговор. По приказу Лев Велент с этериотоами обыскал весь гинекей, но намеренно не проверил примыкающую террасу, с которой вниз свисала верёвочная лестница, а вернувшись, доложил, что никаких заговорщиков в покоях императрицы нет. Никифора Фоку не насторожило прибытие опального полководца с войском, добавить к этому, молчание патриарха Полиевкта, внезапная болезнь паракимомена Василия и отказ его от придворных лекарей. Император словно забыл о своих верных улумах, о Савве, служившем ему честно, с полной отдачей. Неправильные действия василевса привели к неизбежности, ловушка захлопнулась.

Глубокой ночью он отправился к своей любимой, обожаемой Феофано, в надежде в её объятиях найти утешение, утонуть в её ласках, забыть о тревогах. Войдя в спальню, он протянул руки и быстро приблизился к ней, стал жадно целовать, от Феофано сильно пахло розовым маслом, кружившим ему голову, Никифор распахнул на ней накидку, целуя её страстно меж холмиков грудей, горячо зашептал:

– Как ты прекрасна! Я так по тебе соскучился, обними меня, согрей моё сердце, удуши своими сладкими поцелуями!

Никифор Фока увлёк её на ложе. Она прикрыла ему рот ладошкой и спросила:

– Мой храбрый воин не верит своей Феофано?

– Что ты моя радость, о чём ты?

– Тогда почему часом ранее здесь был Лев Велент со своими псами этериотами, искали заговорщиков, и где, у меня в покоях, в спальне императрицы Византии!

– Прости их моё сокровище, они выполняли свой долг! Но я позже приказал всех этериотов сменить на норманнов, а псы пусть снаружи помёрзнут, кстати, сегодня такая холодная ночь.

Никифор Фока плотно прижался к Феофано, глядя рукой по животу, томно спросил:

– Моя горячая, отдаст мне частицу своего тепла?

Феофано переспросила:

– Всех, и у моих дверей тоже?

– Нет, у твоих и так стоят норманны, с ними ещё папия Михаил будет всю ночь. Довольно о заботах, обними меня крепче, хочю твоей страсти!

Феофано улыбнулась через силу, всем видом скрывая своё беспокойство, обхватила его шею, притянула к себе, томно зашептала:

– Иди ко мне, мой император, мой воин!

Никифор Фока сбросил с себя одежды, и накрыл её своим крепким телом. Тут за окном послышался слабый свист.

– Что это, что за свист?

– Наверно ветер завывает в неприкрытое окно, лампы начадили, я открывала их, пойду, прикрою плотней.

Она встала, и пошла к двери, ведущей на террасу, приоткрыла её ненадолго, впусив холодного свежего воздуха, затем плотно задвинув занавеску, вернулась на ложе, оставив дверь не запертой. Прижавшись к горячему телу Никифора, игриво сказала:

– И впрямь очень холодно сегодня, сейчас наверно на улицу никого не выгонишь, все возле печей.

Она увлекла Никифора на себя, зашептала:

– Целуй, ласкай до головокружения! Я подарю тебе такую ночь, каких никогда не дарила! Но Никифор Фока вдруг откинулся на спину и затих.

– Что с тобой, мой василевс? Что ты, чем обеспокоен? – целуя его в грудь, спросила Феофано.

– У меня плохое предчувствие, будто я тебя вижу в последний раз – грустно ответил император.

– Ну что ты милый!? Ты просто переутомился, заботы одолели тебя, ну посмотри на свою Феофану, я вся горю от страсти, я полна желания ласкать тебя, ты сейчас забудешь всё, что тревожит тебя!

Она, полностью обнажившись, легла на Никифора, покрывая его нежными страстными поцелуями. В объятиях, под ласками он забылся и, насладившись любовью, под её убаюкивающий шёпот, уснул.

Феофано встала, накинула тунику, и на цыпочках подошла к окну, отодвинула занавеску, постучала тихо в дверь на террасу, в спальню скользнули несколько теней, от их плащей пахнуло солёным, холодным морем, они прошли к ложу, где лежал обнажённый император.

Никифор Фока проснулся от удара в бок, открыв глаза, он с недоумением смотрел на стоящих вокруг него вооружённых людей, взгляд его остановился на начальнике этериотов Льве Веленте.

– Лев, ты почему здесь? Кто дозволил тебе – начал растерянно спрашивать император.

Но договорить ему Велент не дал, он с размаху ударил рукоятью меча Никифора Фоку по голове, кровь залила лицо императора. Превозмогая боль, он закричал:

– Измена, стажа сюда, измена!

– Что кричишь? – раздался знакомый голос в полумраке, у окна, затем на свет вышел Иоанн Цимисхий, усмехаясь, грубо спросил ещё раз:

– Что кричишь, никто не поможет тебе?!

– Иоанн? Ты? Почему? – поражённый, спросил Никифор Фока.

– Что удивляешься? Ты, забывший, кто посадил тебя на трон, неблагодарный! Ты во славе своей забыл о благодеянии! Меня в опалу? Хотел оторвать меня от моего войска, а потом раздавить как червяка? Но войска со мной, и даже твои этериоты со мной, как видишь! Ты остался один! Поддержки от патриарха тоже не будет, ты своим томосом оттолкнул церковь от себя, какое глупое решение! Для народа героем хотел стать, глупец!? Теперь ты никому не нужен, никто не придёт к тебе на выручку, ты полностью в моей власти. А твоих улумов перебыют мои воины, и первым, конечно, пса Савву!

Никифор Фока понял, что спасения не будет, шатаясь, поднялся на ноги, вытирая кровь с лица, сказал:

– Да, зря я не послушал Луткерия, всё исполнилось, как он предсказал!

– Замолчи Никифор! И этому венецианцу я голову сверну! – перебил Иоанн Цимисхий.

– Нет, Иоанн, скорее он тебя повергнет, иголкой льва не убить! Одно знаю, тебе долго не править! Полиевкт старый, немощный старик, не сегодня-завтра он отправится в мир теней, ты останешься без поддержки, одумайся, я всё забуду.

Иоанн не дал ему договорить, подбежал и ударил мечом Никифору Фоку в грудь. Император Византийской империи рухнул замертво на пол, из обнажённого белого тела на серый мрамор потекла кровь, потом она дальше ручейком медленно стала стекать к ложу Феофано. В дверь ломилась стража, сильно били мечами по оковке, требовали открыть, слышен был голос папия Михаила с угрозами. Иоанн повернулся к Веленту, приказал:

– Убейте их!

Этериоты открыли двери, впустив папия Михаила и двух стражников, не дав им опомниться, закололи их мечами. Но поднятый шум разбудил весь Буколеон, всё пришло в движение. Через распахнутые двери, Иоанн с заговорщиками смотрели, как по переходу к покоям императрицы бегут норманны с обнажёнными мечами. Заговорщики прижались к одной из стен спальни.

– На террасу, быстро! – крикнул Лев Велент.

Но было уже поздно, на террасе тоже находились норманны.

– Говорил я тебе этериот. Нужно было большим числом идти, сейчас нас эти рыжие псы перебьют как уток! – поднимая меч, сказал Цимисхий.

В спальню ворвались норманны, и было уже, бросились на заговорщиков, как вдруг раздался голос Феофано, до этого прятавшейся за плотной занавеской.

– Остановись Освальд! Перед тобой новый император Византии, Иоанн Цимисхий!

Она прошла и стала между заговорщиками и норманнами, затем громко воскликнула:

– Слава Иоанну! Слава императору Византийской империи!

– Слава императору! – первым из стражи прокричал Освальд.

– Слава Иоанну! – стали кричать другие норманны.

– Оставьте нас! – приказала Феофано.

Покои опустели, остался лишь Лев Велент, да два его стражника.

– Оставьте нас все! – повторила приказ императрица.

Лев Велент со своими этериотами направился к двери.

– Лев! – окликнул его Цимисхий. Сегодня же отошли всех норманнов во Фракию, в гарнизоны, на их место поставь всюду своих этериотов!

Когда покои опустели, Иоанн, повернувшись к Феофано, спросил:

– Тебе ведь выгодней было, чтобы норманны перебили нас, ты бы стала сама править, зачем помогла мне?

– Я могу быть императрицей, и могу править одна, конечно, с помощью преданных мне людей, но я могу быть императрицей, но не полководцем! Империя всегда ведёт войны, вот и сейчас русы у порога Константинополя, нам предстоит нелёгкая война, этот враг будет опасней, чем арабы или германцы! Нужен храбрый и достойный воин, чтобы их одолеть, всё это я увидела в тебе! Тем более, Никифору Фоке уже ничем не поможешь!

– У тебя светлая голова, Феофано, не от каждого паракимомена услышишь такую рассудительность. После прозвучавших сейчас твоих слов, у меня закралось сомнение, Полиевкт ли задумал заговор, который сегодня свершился, или кто иной, чьё имя звучит гораздо нежнее?

– А у меня не только голова светлая, – скидывая тунику, томно сказала Феофано.

Цимисхий с блеском в глазах рассматривал её красивое тело, покатые бёдра, выдающиеся полные груди, вызывающий страстные желания холмик живота, склонив голову он поцеловал Феофано в плечо, с сожалением прошептал:

– Ты хороша до слепоты, но не сейчас, я очень устал после такой ночи, буду у тебя позже, а сейчас мне нужно идти!

Пока они говорили, на полу, в луже крови, лежало мёртвое тело Никифора Фоки. Только через три дня его погребут в храме Апостолов, этого отважного воина, принесшего столько славных побед для величия Византийской империи.

Остров Хвар

Луткерий с Саввой стояли на палубе корабля и смотрели на показавшиеся вдали вершины скал острова Хвар.

– Что это за земля, куда мы плывём? – спросил с любопытством Савва.

– Перед нами побережье Долмации, вернее её острова. Венеция приобрела несколько островов, но вскоре, надеюсь, все острова Долмации станут нашими. Кто владеет этими островами, тот владеет всей Адриатикой, и не только ей! Венецианская республика набирает силу, скоро в могуществе мы не будем уступать самой Византийской империи!

– Ты думаешь, маленькая Венеция может тягаться со Священным союзом или Византией, наконец, с Русью, пределы земли которой русы, даже сами не знают? – спросил с иронией в голосе Савва.

– У нас мощный флот, самый сильный в Медитерании, мы уже сейчас помогаем империи в борьбе с пиратами и арабами, Византия в нас нуждается, мы в несколько раз больше привозим товаров, чем флот империи, один наш корабль берёт намного больше груза против их кораблей, дальше наше преимущество будет возрастать, это неизбежно! А что до Руси? Наши земли далеко, мы ещё не скоро столкнёмся с ними, а пока надо торговать, у них ведь столько всего, что стоят одни меха! Германцы же не могут найти согласия, и не скоро найдут, а поодиночке их княжества нам не страшны. И самое главное, Савва, Венеция ко всему подходит по-иному, у нас много купцов, а каждый купец – это ещё и соглядатай. К великому Дожу стекается много вестей со всех берегов и портов Средиземноморья. Мы не жалеем золота на подкуп чиновников, дабы те продвигали наши товары, а товары обратно обращаются в золото. Венеция всё богатеет! Византия обречена на разрушение, все её усилия уходят на удержание дальних провинций, на содержание огромной армии, на бесчисленных чиновников, а зачем? Венеция устроена по-иному, другой подход к устройству государства. В империи решает всё василевс, у нас всё решает совет, все высказываются, учитывается мнение каждого, поэтому все решения более продуманные, и дают больше пользы.

Взревели трубы, корабль зашёл в уютную небольшую бухту, подошёл к причалу. На берегу Луткерия встречали несколько человек, верхом на конях, держа на поводу запасных коней.

– Придётся ехать верхом. Хотя мне очень это не по душе, я человек моря! – садясь на коня, сказал Луткерий. Мой дом тут недалече, так что нам недолго биться задами о хребты этих животных!

Луткерий лукавил, он лихо вскочил на коня, пришпорил его, и галопом понёсся в сторону скал, за ним последовали остальные. Огибая поросшую густыми кустами гору, через одну оргию остановились у большого строения, скорее напоминающего крепость, чем жильё. Дом задней стеной примыкал к высоченной скале, с трёх других был обнесён мощной стеной с бойницами, всё построено умело, лучшими зодчими Венеции. На стенах стояли лучники, наблюдали, как приближаются всадники, затем опустили перекидной мост через ров.

– Как всё продумано у тебя, Луткерий, твой дом и легиону не взять, а не то, что отряду с корабля! – восхищённо сказал Савва.

– Для того и строим, чтобы было не взять, Венеция скоро много таких морских крепостей построит, надеюсь, и в Тавриде тоже! – довольный тем, что поразил гостя, ответил Луткерий.

– Да, флот – это могущество, богатство. Жаль, что в моей родной Сербии господа этого не понимают! – с сожалением сказал Савва.

– Ваши господа не только этого не понимают, если бы Сербия и Болгария вместе пошли на Византию, давно бы сокрушили её, а так вы столько лет меж собой бьётесь, разоряя свои

земли, ослабляя себя. Если вдруг на престол Византийской империи сядет император – стратег, ваши царства потеряют свободу, станут частью империи.

– Я теперь служу Венеции, а в Сербии давно не был, – двусмысленно сказал Савва.

Луткерий пристально посмотрел на Савву, дружески сказал:

– Я не сомневаюсь в твоей верности! Сейчас тебя проводят в твои покои, где ты отдохнёшь, приведёшь себя в должный вид, а вечером, за столом, мы многое оговорим, я познакомлю тебя кое с кем, обсудим, как нам поступить в ближайшее время.

Венецианец в сопровождении своего окружения ушёл к себе.

Вечером за Саввой пришёл слуга и провёл его в большой зал с арочными сводами, которые подпирали витые колонны. За длинным столом сидело три десятка человек, судя по бархатным одеждам, большинство венецианцы, некоторые были одеты в арабские и германские одежды. Когда Савва подошёл к столу, Луткерий встал и громко его представил:

– Это Драган, он будет принимать от вас сведения, что вы добываете в чужих землях, он же будет их изучать, ну а потом доставлять послания мне!

Савва поклонился, принял кубок, выпил и сел за стол. Он был смущён, так как Луткерий посадил его по правую руку от себя, тем самым, показывая присутствующим, что Савва выше их всех по положению. Словно читая его мысли, Луткерий, наклонившись к нему, спросил:

– Ты смущён? Но я ценю людей за их разум, а не за их богатство! Сидящие здесь купцы хорошие торговцы, но как ты мыслить они не могут, ты – стратег и тактик, они же, просто приносящие деньги. Сейчас приведут юношу, про которого я тебе рассказывал, пора вас представить друг другу.

Тут в зал вошли два бродячих монаха в чёрных одеждах, выглядевшие как люди Полиевкта, с той лишь разницей, что у этих на шапках не было серебряных крестиков. С ними был юноша неопределённого возраста. Луткерий жестом подозвал их к столу, приказав ближайшим сидящим купцам подвинуться дальше.

– Ну вот, Драган, перед тобой Вутк!

Вутк склонил в приветствии голову, а сопровождающие его монахи прошли дальше и сели за стол. И тут Савву ожидало настоящее удивление, венецианец вдруг стал говорить на неплохом славянском наречии, которое употреблялось в Новгородских землях.

– Вот, друже Вутк, пред твоими очами Драган, а ежели по-русски молвить, то буде Добрыня!

Савва пристально рассматривал Вутка. На вид ему было двадцать, может чуть более лет. На красном лице лёгкие конопushки, жёлтые водянистые глаза с чёрной точкой зрачком чем-то напоминали змеиные, на лице вместо усов, светлый пушок. Длинные, цвета жухлой соломы, редкие волосы спадали до плеч. Вся его внешность была обманчива, но в одном Савва не сомневался перед ним хитрый и коварный человек.

– Пусть гости веселятся, а мы пойдём во двор, в мою любимую беседку, нам есть о чём поговорить, – предложил венецианец, и пошёл к двери, за ним Вутк и Савва.

Они прошли через просторный, весь усаженный розами двор, зашли в изящную плетёную из лозы беседку, где для них был уже накрыт резной невысокий стол.

– Здесь нам никто не помешает, а разговор у нас будет непростым, – присаживаясь, сказал Луткерий.

– Сколько у меня будет своего времени, прежде чем я отправлюсь на Русь? – спросил Савва.

– Предполагаю, у тебя есть года два, может три, всё зависит от того, сколько времени будет править князь Святослав. А он воин, всегда в походах, спит, как простой дружинник, сам в сечу лезет, то есть неоправданно рискует. Сейчас наступает для него решающий момент, либо он сокрушит Византию, либо Византия сокрушит его, что, скорее всего и произойдёт. Империя собрала все силы, отозваны войска из Сирии, Финикии, нанято много норманнов,

даже далёкие Армения и Колхида прислали войска, собрано внушительное войско. Есть и полководцы способные биться со Святославом. Чего стоят энергичный Иоанн Цимисхий, Варда Фока, Варда Склир, да хоть бы сам император!

– Дни Никифора Фоки сочтены, иначе я не был бы здесь! – сказал Савва.

– Теперь это уже не важно, есть другие, да мало ли у империи полководцев готовых повести легионы на битву! Разбить империю сложно, она как спрут покрыла всё вокруг своими щупальцами!

– Всё это красноречие, когда мне нужно быть готовым к отбытию? – ещё раз спросил Савва.

– У тебя будет достаточно времени, тебя с Вутком переправят на соседний островок, там будет всё, что вам потребуется. Подбирай себе людей, которые сгодятся тебе на Руси. Всё, что происходит в Византии, и не только, я буду вам сообщать. С твоего позволения я отныне буду называть тебя всё-таки Драганом. Так вот, Драган, можешь не переживать, ты не отправишься на пустое место, на Руси много моих купцов, и каждый обязан тебе помогать, почти в каждом большом городе есть такие люди, и в Киеве, и в Новгороде, Владимире, Суздали, Полоцке, Чернигове, одним словом, по всей Руси! Все они служат мне! Среди них много и русов, которые, кстати, тайком крестились, но мне это на руку, лишние доводы, чтобы они помогали мне. Теперь открою главное, ещё загодя мои люди запустили слухи, будто у их князя Святослава есть сын от простолюдинки. Княгиня Ольга поначалу пресекала эти слухи, но потом смекнула, что они ей на руку, брошенный заморыш, а тут она со своим благодеянием. Она ведь тоже крестилась, у самого патриарха Полиевкта. Так что, для моего замысла всё складывается хорошо!

– Скажи, Луткерий, зачем тебе эти интриги, ты же богат, скорее всего, без твоего слова Дожд не принимает решение? – вдруг спросил Драган.

– Драган, Драган, ты меня удивляешь, такого вопроса я никак не ожидал от тебя услышать, ты ведь стратег! Представь, если на трон в Константинополе сядет дальновидный император, а у него на службе окажется человек вроде меня, что тогда будет!? А будет вот что, Венеция станет захудалым городком на окраине мощной империи! А так, мы не даём передышки Византии, толкая её к закату, война империи с арабами, с германцами – это ведь наши интриги, теперь вот с болгарамии сравним, с сербамии! Императорам нужно было бы не допускать расцвета Венеции! А тут ещё Генуя поднимается! Волею судеб Византия оказалась на том месте, там, где слишком много проходит торговых путей, так что много ещё завоевателей повидает Византия! Пока Венеция ещё не набрала той мощи, когда бы монаршие дворы трепетали бы перед нами, но надеюсь это всё впереди! А пока торговать и богатеть, и главное, невидимо влиять на судьбы народов, стран, людей, это так кружит голову, когда по твоему замыслу сходятся два войска и, терзая друг друга, обескровливают. Страны затем падают в бессилии, и идут к нам, чтобы занять золота, и повторить всё сызнова, тогда ты чувствуешь себя почти Богом!

При последних словах Драган пристально посмотрел на Луткерия, в его глаза, которые сияли лихорадочным блеском, словно у безумца, на покрасневшее его лицо, подумал:

– Нет, этот человек ещё страшней, чем я предполагал, и человек ли!? Он сидит на своём острове, пьёт вино, замышляет, а за сотни оргий отсюда свершаются его страшные замыслы. Что для него жизнь человека, тысяч людей, всего лишь прихоти его разума? Страшно, когда такая голова мыслит лишь о разрушении.

Луткерий продолжил говорить:

– Теперь о главном. Ты с Вутком, когда наступит пора, отправишься с моими купцами в Новгород, там будете находиться до времени, что делать дальше я расскажу, золота у вас будет предостаточно, ни в чём нужду терпеть не будете. Да, на острове, куда вас завтра переправят, будете разговаривать только так, как говорят, русы, а то послушаешь тебя Драган, и в раз становится ясно, что ты иноземец. Обучитесь обычаям русов, их нравам, песням, всему, что понадобится.

– У сербов такие же обычаи, в давние времена нас называли Серебряной Русью, а речи их я обучусь, экая невидаль, будь спокоен!

Луткерий услышав русскую речь, рассмеялся, затем сказал:

– Я в тебе не сомневаюсь!

Затем обратился к Вутку:

– А ты что молчишь?

– Что мне говорить, когда я бродил по Руси с монахами, мне было хорошо, люд простой, щедрый, с ними легко, у меня на душе нет никого сомнения! – ответил просто Вутк.

– У тебя, Вутк, есть умный надёжный Драган, вместе вам сподручней будет, вместе вы сладите с замыслом!

Смерть Полиевкта

Утром, как рассвело, к патриарху один за другим прибыло несколько гонцов со срочными посланиями. Первым Полиевкт принял гонца из дворца Буколеона.

– Ну, давай, что тянешь? – протянув трясущуюся руку, раздражённо сказал патриарх.

– Послания нет, мне велено передать словами.

– Говори!

– Императрица передала, что она внезапно овдовела!

– Слава Богу! Всё исполнилось, как я задумывал, всё, ступай, передай императрице, а впрочем, ничего не передавай, пусть ждёт у себя в покоях.

Вторым зашел Демос, старший из отряда, посланного вслед Василию.

– У тебя что? – спросил Полиевкт.

– Мы опоздали, ваше святейшество, мы шли по следу Василия, но потеряли его, затем нашли, мы не думали, что ему вздумается ночевать в лесу, у костра.

– Говори же! – перебил его патриарх.

– Василия на поляне не оказалось, остальные мертвы, наверно Василий сбежал к недругам нашим, его коня тоже нет!

– А-а, бестолковый, зачем я тебя только держу, Василия, скорее всего уже нет в живых! Ух, Савва, попадись ты в мои руки! Однако радуется то, что я в этот раз перехитрил их всех. То ли ещё будет, я этих улюмов в навоз превращу, шесть лет они у меня, как кость в горле, но теперь я отыграюсь на них!

Последним зашёл этериот, посланный Цимисхием, поклонившись, сообщил:

– Иоанн Цимисхий просит тебя прибыть на утреннюю молитву в храм Софии, он беспокоится, как бы в Константинополе не поднялся мятеж, Фока младший подбивает людей на бунт.

– Ступай, передай Цимисхию, я буду вовремя!

Отпустив всех, патриарх стал собираться на молитву в Софию.

Полиевкт опаздывал на службу, это было впервые за много лет, старость давала о себе знать.

Его золочёная повозка подкатила к парадному входу, патриарх медленно, опираясь на плечо подбежавшего инока, сошёл с биги, и стал у входа в храм. Народ взревел, отовсюду неслись крики:

– Благослови, отче! Благослови!

В сторонке, окружённый этериотами, стоял Иоанн Цимисхий, одетый легко не по времени года, в багряной тунике, в золотых сандалиях, голову его украшал венец из лавровых золотых листьев. Он нервничал, пока все ждали патриарха. Толпа недовольно гудела, из неё доносились оскорбительные выкрики, но больше всего беспокоили слова, что он узурпатор, что незаконно сел на трон. Напряжение не спадало, хотя затесавшиеся в толпу этериоты и, кричали во всё горло:

– Слава императору Иоанну!

Полиевкт жестом показал, чтобы Цимисхий приблизился к нему, этериоты быстро создали щитами коридор, по которому пошёл Иоанн. Подойдя к патриарху, он поцеловал его сухую морщинистую руку, но тот не спешил давать своё благословление. Старый лис медлил, усиливал напряжение в народе. Наступила звенящая тишина, смолкли даже колокола на звоннице.

– Что же ты медлишь? – зло спросил Цимисхий.

Полиевкт мямля губами, как можно громче произнёс:

– Ты, Иоанн Цимисхий, даёшь слово, что накажешь виновных в смерти императора Никифора Фоки?

– Да! Даю слово! Сегодня же Лев Велент будет казнён!

Затем Цимисхий тише добавил:

– Ну, не тяни, благословляй же скорей!

Но патриарх продолжал хитрить, он хотел выглядеть в глазах народа самой справедливостью. Выждав, он сказал:

– Я требую выслать из Константинополя, императрицу Феофано, так как злодеяние произошло в её покоях, и она тоже повинна!

Цимисхий растерялся, волнение не давало ему говорить, он не мог собраться с мыслями, не понимал, куда клонит Полиевкт, но всё же выдал из себя:

– Сегодня же Феофано покинет столицу империи!

Патриарх, пользуясь выгодным для себя моментом, продолжил давить на Цимисхия:

– Ты, как новый император, должен отменить томос о церкви, изданный Никифором Фокой, обещаешь?

– Да! Я отменю этот дурацкий указ! Ну, благословляй же!

– Я патриарх Константинопольский и Вселенский, благославляю тебя Иоанн Цимисхий на правление империей, и позволяю тебе молиться в святой Софии! Амен!

Зазвонили колокола, двери распахнулись, Полиевкт, а за ним Цимисхий перешагнули порог храма, хор величественно запел «многие лета». Всё, свершилось, теперь Иоанн – император Византии, он стал василевсом над многими подвластными народами.

Глядя новому императору вслед, Полиевкт думал о своём. Никто никогда не догадывался о его настоящих замыслах. А он делал всё, чтобы внуки Константина Богрянородного без ущерба заняли престол. Патриарх не мог по-иному, ведь с Константином его связывала дружба, они во всём понимали друг друга. Были едины во мнении о могуществе Византии. Когда умер хилый Роман, Полиевкт делал всё, чтобы пришедший к власти лев, не подавил чужих львят. Если бы от Никифора исходила угроза для наследников, он бы и месяца не удержался у власти, или вот от нового императора Иоанна, он костью бы лёг, но не допустил бы и его до власти. Патриарх берёт наследников Константина и Василия, теперь вот даже их мать, Феофано, он отсылает подальше, дабы по недоумию своему, она не погубила их, связавшись с очередным охотником на престол.

В святой Софии на золотом троне в западном пределе, сидел Цимисхий, он был в восторге, с его лица не сходила улыбка, хор пел ему многие лета. А у алтаря стоял Полиевкт. На бледном его лице играла усмешка, он то знал, что Цимисхий будет править недолго, лишь до того, как Василий с Константином достигнут совершеннолетия, а может и того меньше.

На душе у патриарха было спокойно, он никак не ожидал, что Никифор Фока падёт так легко. Этот смелый воин, столько времени проведенный в походах во славу империи, вернувшийся столько владений обратно. Воин то он был хороший, а вот управлять разумно ему не удавалось, не искущён был в хитросплетениях власти. Полиевкт был уверен, даже если здоровье подведёт и ему не удастся довести до того, когда внуки Константина сядут на трон, за него это сделают его надёжные преданные епископы.

И хоть на душе было хорошо, но усталость давила и голову сжимало всё сильнее, на лбу у него выступил пот, лицо покраснелось, ноги задрожали, он пошатнулся и стал оседать. Подбежали слуги, подхватили его на руки и понесли из храма.

С высокого трона за всем наблюдал Цимисхий, но теперь патриарх был ему больше не нужен, он стал императором Византийской империи. Эта была последняя служба сладкоголового Полиевкта, в последний раз его нога ступала в пределы святой Софии, храма, в котором он трижды благословлял на правление императоров. Через два дня, теперь уже Цимисхий объявит трёхдневный траур по всей империи, во всех храмах будут служить поминальные службы

по одному из самых ревностных служителей, но скорее не церкви, а могуществу Византии. Но даже после его смерти, всё будет дальше идти так, как задумал Полиевкт, никто не сможет изменить то, что он замыслил, никто не мог, так как он, охватить всё своим разумом, и принять нужное, правильное решение.

Как только был объявлен траур, к берегам Долмации, к острову Хвар, отбыла быстроходная галера с известием о кончине патриарха, о назначении его приемником Василия, но главная весть была о том, что Никифор Фока свергнут и убит, а его место на троне Византии занял Иоанн Цимисхий.

Исполнение замысла

Луткерий, получив вести из Константинополя, сидел на большом камне и смотрел на бьющиеся о берег волны, на белую пену, крутившуюся в расщелинах скал. Он обдумывал положение, сложившиеся после переворота в Византии. Все его усилия по договору с Никифором Фокой, теперь оказались под сомнением. И, тем не менее, он хорошо знал двор империи, и был убеждён, что скоро ему всё равно последуют предложения от нового патриарха Василия. Вряд ли Полиевкт не оставил своему последователю завещания со своими замыслами, или записи с рассуждениями. С воцарением Цимисхия всё может поменяться, сможет ли новый император быть таким же успешным в военных делах? Конечно, выгоднее было бы, чтобы князь Святослав потряс Византию, да посильней, это бы подтолкнуло нового патриарха Василия на скорые действия. Хорошо бы передать Святославу, сколько против него византийского войска, где они стоят, указать слабые места ромеев, но князь русов слишком горд, он даже от чрезмерной самоуверенности предупреждает противника о том, что идёт на него войной. Очень смело и благородно, но Византийская империя не тот противник, с кем можно и нужно быть честным и открытым. Луткерий понимал, что Святославу в этой войне не одолеть ромеев, ему было известно, сколько воинов у русского князя и какую силу против него собрала империя. Иоанн Цимисхий опытный полководец, у него закалённое в походах войско, сильно превосходящее числом русов. Если ко всему добавить, что на пути Святослава ещё и несколько сильных крепостей, а чтобы их взять нужно намного больше воинов, чем есть у русского князя, то вывод был очевиден. Ещё раз всё взвесив, Луткерий понял, что Святослав обречён на поражение, да и сам вряд ли уцелеет. Его бесконечные походы говорили о том, что он хороший полководец, смелый воин, но такие долго не живут, и чаще всего смерть настигает их на войне.

Дальнейшие события показали, как венецианец оказался прав! Святослав хоть и продвинулся к Константинополю, но в битве под Доростолом увяз, наткнувшись на всё новые силы византийцев. Славянское войско остановилось, и даже решающее сражение, в котором русский князь хотел разом разбить ромеев, не склонило чашу победы в его пользу, хотя храбрость и стойкость русов и надломила дух императорского войска, посеяла в ромеях неуверенность. Но русы были измотаны в частых битвах, сил идти на столицу империи уже не было, тем более что стены Константинополя были высоки и укреплены ещё лучше, чем прежде. Ещё, к ромеям постоянно прибывали свежие силы из далёких провинций, о чём русам намеренно сообщалось. Цимисхий боялся одного, как бы Святослав не заключил договор с венграми, и уже вместе с быстрой угорской конницей не обрушился бы на византийцев. В глубокой тайне в Венецию были отправлены посланники, чтобы венецианцы помешали договориться Святославу с венграми, что и было достигнуто. Через торговцев, как бы невзначай, чтобы Византии не унижаться перед Русью, Святославу был предложен мир, который вскоре был заключен. Но на этот раз руссы дань не получили, единственное, на что пошёл Цимисхий так это снабдил войско Святослава провиантом на весь путь до Киева. Ещё император настоял, чтобы все воины-руссы, покинули пределы Болгарии. Русскому князю не удалось найти тех, кто в союзе с ним пошёл бы на Византию, большая часть болгар, и венгры отказались воевать на стороне Святослава. Когда Луткерий получил весть о том, что война закончилась так быстро, он пребывал в досаде. Венеции было бы выгодно, если бы руссы, надломили силы Византии, измотали её, венецианские Дожи всегда вели двойную игру. Стравливая всех меж собой, арабов с Византией, германцев с арабами, болгар с сербами, Дожи одалживали золото тем и другим, давали под большой процент, и на этом неплохо зарабатывали. Но главное было не в прибыли, главное было не допустить усиления любого из государств в средиземноморье в ущерб Венеции, и всё получалось. У Венеции появился самый сильный флот, а венецианские купцы стали самыми богатыми.

Несколько месяцев спустя, к острову Хвар прибыло купеческое судно, но оно привезло не товар, а важную для Луткерия весть. Князь Святослав не вернулся в Киев, по слухам, он погиб на днепровских порогах. Как точно это случилось, никто не знал, но были очевидцы того, что князь, пронзённый несколькими печенежскими стрелами, упал в воды Днепра и утонул, а тело унесло течением вниз по реке. Хотя печенежский хан Куря и бахвалился позже, будто он сделал из черепа Святослава чашу и пил из неё, но это было хвастовство и лукавство. Так хан предавал себе значимости перед византийцами, которые хорошо платили ему за набеги на Русь. Как бы то не случилось, а смерть князя Святослава всё меняла, и подталкивала Луткерия к исполнению основного замысла. Вечером он прибыл в лодке на соседний островок, рядом с его островом Хвар, где на причале его встречали Драган и Вутк.

– Здрав будь, Луткерий! – приветствовал его Драган на русском языке.

– И ты будь здоров! – также на русском ответил Луткерий.

За год с небольшим, что он не был на острове, многое изменилось.

В глубине острова, вокруг поляны, стояли срубы, такие же, как делали на Руси. Все, кто жил здесь, были одеты в славянские одежды, всюду слышалась русская речь.

– Прямо, как на Руси Матушке! – подметил Луткерий.

– Ты бывал на Руси? – удивлённо спросил Драган.

Луткерий не ответил, лишь выбил ногами с выходом, как плясали только русы. Затем обратился к Вутку:

– Неплохо всё поделано, словно новгородчина какая, добавить берёз да сосен, точь в точь! Прибудете на Русь и разницы не почувуете!

– Хороший секач становится вепрем! – двусмысленно ответил ему Вутк.

Луткерий изучающе посмотрел на Вутку, как опытный охотник он знал, что вепрь очень опасен, и часто, чтобы утолить голод, разрывал поросят, и даже молодых свинок. Жёлтые змеиные глаза Вутки были холодными и непроницаемыми. Хорошо разбиравшийся в людях Луткерий мысленно подметил, что этот человек ни перед чем не остановится, чтобы достичь своего. Жесток до крайности, хотя в смекалке и хитрости не откажешь. Что же это к лучшему, в общем, такой и нужен. Главное, чтобы лишнего не натворил. Глядя в глаза Вутку, Луткерий спросил:

– А что Вутк, коли гнездо с птенцами попадёт на пути вепрю и будет съедено, не жаль тебе пискунов?

– Нет, не жаль, глупая птица, коль не уберегла птенцов! – поправляя на себе кабанью шкуру, ответил Вутк.

– А это что за вонючая дрянь на тебе? – морща нос, спросил Луткерий.

– Шкура кабана-секача, теперь это мой оберег, у далматского колдуна купил! – довольно ответил Вутк.

Прошли по всему острову. Осмотрев его, венецианец за обедом приказал, чтобы всё было готово к отплытию.

– Неужто пора? – с беспокойством в голосе, спросил Драган.

– Да, пора! Время пришло, смотри Драган, я на тебя надеюсь. Вутк молод и горяч, не осмотрителен, ты же мудр, удерживай его от ненужных решений. Думаю отъезд на Русь, лучший выбор для тебя, в Византии места для тебя больше нет, скорей всего, вас улумов уже ищут, чтобы отомстить за ваши деяния, а в Венеции чужаков не жалуют. Там же, среди русов, тебе открывается новая жизнь, всё зависит от того, как будет смекать твоя голова. Не переживай, Русь как Сербия! Ты вон в Византии многого добился, стал начальником тайной службы самого императора, василевс с тобой за одним столом восседал!

Драган прервал Луткерия.

– Когда нам собираться в путь?

– Через неделю в Тавриду отправляются три наших корабля, с купцами и поплывёте! Хорошенько присматривай за Вутком!

Луткерий холодно засмеялся, притопнул ногой, поднял руку, привычным жестом очертил ею круг.

Глава Вторая

Предсказания

6486 год по русскому календарю. Русь. Деревня Сула подле Новгорода.

Ночью разыгрался сильный ветер, жалобно воя за оконными ставнями, разбудил Вераславу. Она с усилием открыла залипшие глаза, тяжело опустила ноги на белую овечью шкуру, что лежала на полу, вместо половицы. Сердце билось до боли в груди, ночная рубаша взмокла от липкого пота, спину холодило, сон не отпускал, держал, словно коршун когтями птаху. Уже неделю подряд ей снился один и тот же страшный сон, который сильно пугал её. Рядом посапывал Краснояр, её муж, его тихое дыхание немного успокоило, страх по чутьчку стал уходить.

– Ты что всполошилась? – вдруг спросил он.

– А я думала, ты почеваешь? Сон мне плохой привиделся, вот уж неделю как снится, боязно мне!

– Что за сон, поведай, коль боязно?

– Снится мне, будто к нашему гусятнику, что подле озера, коршун прилетает, а перья у него окрасом рыжие-рыжие, что медь, а в клюве своём воронёнка приносит, и садит того воронёнка промеж гусят. Воронёнок тот вмиг большим оборачивается, клюв страшный, с буграми сверху и с шипами снизу. И давай этот воронёнок гусят клевать, что не клонет, гусёнок замертво и падает, так всех и заклевал! Опосля на меня стал глядеть, клюв в кровиче, жёлтый глаз светится лихим блеском, стал подбираться ко мне, тут я и пробудилась, уж дюже страшно стало. Неделю уж так! Краснояр, пусти к ведуну Дию, пусть посмотрит, чую неспроста, мне сей сон является!?

– Ну, коль так, поезжай с утра, негоже ночами не спать, изведёшься вся!

Утром Краснояр, запрягая кобылу, напутствовал жену:

– Ты шибко не гони, молочная она, Верного возьми с собой, он пёс умный, а серого почует, враз лаем спугнёт. Ну вот, готово, поезжай душа моя, там, у ведуна не мешкай, засветло в обрат, чтобы была!

– А то може вместе, дел вроде у тебя нет?

– Нет, поезжай сама, я улы отлажу, не тревожься тут ведь недалече, дорогу то хорошо помнишь? У первого ручья, что втекает в Мшагу, и по речке до лесного озера, там избу увидишь, её издалече видать, всё, погоняй!

Пока Вераслава говорила с мужем, жеребёнок всё тыкался мордочкой ей в живот, лизал руки, норовил взять её пальцы в рот, его отгонял Верный, задорно лая на жеребёнка.

– Может оставить его, замотается ведь? – глядя, как резвится жеребёнок, спросила Вераслава.

– Пуцай бежит рядышком, крепче будет, пока можно, волки ещё далече держатся, не бойсь, поезжай, засветло возвращайся.

Краснояр поцеловал жену, Вераслава пустила лошадь шагом, выехала со двора и направилась к виднеющимся за пригорком соснам. По пути на холме находилось капище, одно из самых древних в округе и одно из самых почитаемых на Руси. Ещё издали она увидела блеск серебряных шлемов на кумирах, у подножья холма темнели большие каменные требники, вокруг них сутились сизари. Она хотела, было проехать мимо, чтобы не терять время, но не удержалась и свернула к святыне, пустив лошадь на траву, приказала Верному, чтобы стерёт, сама поднялась и вошла в капище. Весь холм был утыкан сосновыми веточками в память о не вернувшихся из дальних походов воинов, обходя их осторожно, Вераслава прошла к кумиру бога Перуна, достала из сумы горсть жита и насыпала в требник.

– Храни сынов Руси синеглазой, не оставь их без своей защиты, ибо сберегают они землю свою! Слава тебе Перун! От круга до круга слава!

Постояв немного на капище, двинулась дальше. На душе было горько, никогда ещё она не видела столько поминальных ветвей, видать много полегло русичей в чужих землях, князь Святослав не один поход совершил, призывая воинов, убеждая, что ворога нужно бить на его же земле, не пускать на священную Русь.

Проехав с версту, упёрлась в ручей, впадающий в речку Мшагу, повернула направо, и узкой тропой, двинулась дальше. Как только она въехала в лес, жеребёнок перестал резвиться, прижался к кобыле и шёл смирно, позади него, бежал Верный. В бору было сумрачно, птицы после утреннего пения смолкли, лишь изредка пищали синицы, да из глубины леса слышался треск падающих сухих веток. Вераслава легко ударила кобылу под бока, чтобы быстрее проехать чащобу, тёмный лес пугал её, она никогда одна сюда не забиралась, на Мшаге места тихие, хоть и недалеко от Сулы, но сюда редко кто заходит, издревле здесь селились люди ведающие, ищущие одиночества, дабы жить в отшеле.

Вдруг пёс залаял, обогнал кобылу и убежал вперёд. Чуть погодя, она выехала на полянку пред озером, на берегу напротив, виднелась изба, к ней вдоль бережка шла тропа. Когда она приблизилась, на пороге уже стоял Дий, встречал её, поглаживая пса.

– Побойся дедушка! Верный уж очень лют, может и ухватить!

– Не ухватит, меня зверь любит, зверь чует, что худого на душе нет!

– А я к вам дедушка!

– Ясно, что ко мне, коль ты здесь, и уже разумею для чего, что же проходи в избу!

Вераслава спешила, прошла в избу вслед за Дием.

– Ну, краса, что привело тебя, вижу не по зазнобе своей, коль волосы прибраны как у замужней.

– За тем и сама не пришла бы! Мне другое надобно вызнать, сон одолел, неделю уж всё одно видится, ничуть не меняется.

– Присядь вот сюда краса. Рассказывай свой сон, да не торопись, всё досказывай, каждая мелочинка важна.

Вераслава сев удобней, принялась рассказывать свой сон, всё что помнила, все мелочи.

– Теперь о себе поведай, о батюшке своём, о муже, это пособит мне вызнать, почему именно тебе такой сон сходит.

– Мой муж вестовой Краснояр, за капищем и святыней Лебязьей присматривает, с другими вестовыми вестями обмен держат, о том, что на Руси делается. Тятенька мой был в дружине у князя славенского Осмысла, с князем Святославом на хазар ходил, так на чужбине голову и сложил, сказывали, сам Святослав огонь для погребального костра поднёс, и даже молу творил в честь славенов.

– Значит ты жена вестового? Тогда на твой сон, по-иному глядеть надобно. Вырви мне волос с головы, а сама проходи вон туда, в уголок. Что не узришь, молчи, не то мы не вызнаем ничего.

Вераслава подала ведуну вырванный волос, сама прошла и села, куда указал Дий. Ведун разжёг очаг, подвесил на треногу котелок с водой, снял со стены несколько пучков сухих трав. Затем достал из стоявшего в углу потёртого берестяного короба воск, и приступил к гаданию. Сначала зажёл полынь, ею окурил всё вокруг себя, горница наполнилась густым дымом, у Вераславы заслезились глаза. Дий встал у огня, растопил воск и вылил его в котелок, сам же стал бить в бубен, бил долго, одним простым боем, при этом, что-то протяжно нащёптывал, рассказываясь в стороны. Она начала уже засыпать, как сквозь пелену услышала:

– Ну-ка глянь краса, что зришь в котле?

– Ой, терем! Да чудной какой, будто шлем Краснояров, а тут наверху крест что ли, не пойму!?

– Это краса моя не терем, это избы, где живут чужие боги. Я о таких слыхивал, от воинов, кто в Царьграде бывали. Поди, присядь, я ещё пошепчу!

Ведун зажёт ещё один пучок травы, название которой Вераслава не знала, всю избу заполнил стойкий запах, настолько сильный, что у неё закружилась голова, всё вокруг неё поплыло, затем, будто сверху опустился проникающий стук бубна, убаюкивающий, она впала в дрёму.

– Краса моя, ну, пробуждайся, эго тебя сморило, поди, глянь, что теперь зришь?

– Дедушка, да это же коршун с моего сна, ей-ей он! – всплеснув руками, воскликнула Вераслава.

– Ты далее смотри! – тихо сказал ведун.

Воск медленно двигался по воде, вырисовывая какие-то круги, линии, вдруг он застыл, будто ему кто приказал.

– Ну, а теперь что видишь, краса?

– Человече, да человече, только одежды не нашенские, и глаза уж больно колючи, холодны, что лёд!

– Верно краса, иноземец се, и очень недобрый человече! Поди ещё посиди маленько, я далее глядеть буду.

– Дозволь дедушка, я на дворе побуду, уж дюже душно мне в избе?

– Нет, краса, потерпи уж, надобно чтобы ты рядышком находилась.

Дий продолжил гадание. Зажёт третий пучок травы, от которого запах был ещё сильнее, в носу щипало, глаза еле терпели, и бить в бубен ведун в этот раз стал с силой, сам же закружился против солнца, выкрикивая непонятные слова. Вераслава едва терпела, её мутило, внутри всё сжалось, в животе, будто камни катались, и вдруг у неё пошли видения, страшные видения будущего. Всадники в железе, с мечами в руках рубят убегающих людей налево, направо, на их щитах кресты, обликом все не наши. Люди пытаются в реке найти спасение, но нет, и там их настигают вражьи стрелы. Затем, ей почудилось, что она воспарила и, словно птица, смотрит сверху. Мшага и ручьи, выпадающие в неё, стали багровыми от людской крови, деревья вдоль реки усохли, а вместо корней, что ранее тянулись к воде, сплошь лежали кости людские, оба берега были устланы костями, ступить негде. Она не выдержала, упала на колени и закричала:

– Дедушка! Дедушка, нет мочи видеть такое, останови, останови всё!

Бубен смолк, ведун открыл дверь, впустил свежий воздух, погасил очаг.

– Всё краса, всё девонька, сейчас пройдёт, зато мы теперя вызнали, пошто тебе сны такие виделись!

– Ой, страшенно дедушка, ой как страшенно, неужто тако може быть?

– Коль казали, тому и быть, тамо наверху, краса моя, зазря не бывает!

Провожая Вераславу, ведун сказал:

– Ты мужа своего пришли, передай мои слова, пушай в три дня явится ко мне, не позжа!

Вернувшись, Вераслава рассказала всё Краснояру, и про видения, и слова ведуна передала. Выслушав жену, он кивнул, ответил ей:

– Добро, завтра и явлюсь к Дию, день вроде пустой, я дел никаких не метил!

Заглядывая мужу в глаза, она спросила:

– Неужто, мои слова тебя не напужали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.